

На рубеже 80-х и 90-х годов XX века общественное сознание, запутанное и задуренное перестройкой, рождало странные до нелепости идеи и порой побуждало вполне вроде бы нормальных людей совершать такие же странные поступки.

Я в те годы работала в библиотеке областного отделения ещё процветавшего тогда Союза театральных деятелей (СТД). Помещение Союза состояло из двух комнат в здании областного драматического театра. В комнатке поменьше находился собственно, как теперь говорят (тогда так ещё не говорили), “офис” организации. Там были рабочие места ответственного секретаря организации и бухгалтера. В комнатке побольше была моя библиотека. Если ответственному секретарю или бухгалтеру что-то было от меня нужно, они стучали в стену между комнатками.

В один прекрасный день ожидалась премьера детского спектакля. И вот незадолго до начала утренника раздался стук в стенку. Войдя в соседний кабинет, я увидела там, кроме своих сотрудников, актёра, носящего звание заслуженного, — режиссёра и исполнителя одной из ролей в новом спектакле. Он был одет в костюм скомороха, соответствующе наруган и напозажен. Высокий и представительный, он своим звучным актёрским голосом что-то увлечённо доказывал моей начальнице — ответственному секретарю Союза.

Оказалось, спектакль-сказка начинался с выхода скоморохов. И выход этот был необычный — скоморохи выходят на сцену не из-за кулис, а из зрительного зала, то есть они входят из зрительского фойе в зал и через амфитеатр и партер идут к сцене с шутками, прибаутками и заигрываниями со зрителями. Проходя по залу, скоморохи всячески стараются расшевелить и расположить к себе детскую аудиторию. Кому-то они строят смешные рожицы, кому-то пожимают руку, кому-то дарят мелкие подарки. Вот из-за этих-то подарков заслуженный артист к нам и явился. Он придумал, что ради премьеры подарки будут не списанные бутафорские мелочи, а настоящие свежие бублики. Этих бубликов — штук пять-десять — он и просил кушать СТД (на деньги СТД, разумеется). За бубликами кого-то надо было посылать. Вот меня и позвали.

Бухгалтер уже стала готовить финансовые документы, но тут ответственный секретарь сказала:

— Нет, так неправильно. Нескольким человекам вы дадите бублики, а остальные как же? Это же дети. Им будет обидно.

Заслуженный артист растерялся. А она продолжала нажимать — несправедливо, обидно.

— Ну, это же такой художественный ход. Ведь руку-то я не всем пожимаю и подмигиваю не всем. И никто не обижается.

— То руку, а то один съест, а другой нет.

— Да что они, голодные, что ли? Это же просто для контакта, для правдоподобия. Как бы дверь в сказку открыть.

— Вот именно, — неизвестно, что имея в виду, воскликнула ответственный секретарь.

— Может, вообще не надо бубликов? — подала голос бухгалтер.

— Это ведь не для еды. Мы же просто хотим приблизить действие к зрителю, — снова начал заслуженный артист.

— Так несправедливо. Дети обидятся, — опять возмутилась ответственный секретарь.

Разговор пошёл по кругу. Потом ещё раз. И ещё.

Наконец, заслуженный артист сдался.

— Ладно, — вздохнул он, — что вы предлагаете?

— Надо купить бубликов на всех. И всем раздать, — отчеканила ответственный секретарь.

Заслуженный артист слегка задохнулся, потом прокашлялся и махнул рукой.

— А как же... — начала было бухгалтер.

— Это получится не очень дорого, зато справедливо, — не слишком логично, но твёрдо возразила начальница.

За бубликами, кроме меня, пошли кассир, уборщица и двое молодых актёров. Бублики были мягкие и пахучие.

Раздавали их после спектакля. Во что превратилось это раздавание, нам рассказал один из незаслуженных артистов, пожилой, потихоньку выпивающий в свободное от работы время исполнитель самых маленьких, какие только бывают, ролей, постоянный читатель моей библиотеки.

Сначала артисты раздавали бублики со сцены. Но мало того, что это было очень долго, что кто-то из детей хватал два бублика, кому-то, оттеснённому, не доставалось ни одного, так к тому же у сцены начала образовываться толкучка, грозящая перейти в давку. Тогда один молодой актёр, очень красивый и несколько истеричный, придумал бросать бублики в толпу. Чтобы поймать бублик, дети должны были метаться, прыгать, толкаться. Так они и делали. Какие-то бублики ловились, какие-то, ударившись о чью-нибудь голову или плечо, падали на пол и растапывались. Наиболее ловким детям удавалось поймать по несколько бубликов, нерасторопные оставались ни с чем.

В конце концов, усилиями заслуженного артиста и билетёров раздачу бубликов удалось упорядочить — раздавать стали на выходах из зала. Но и тут дисциплина поминутно нарушалась. Иные инициативные дети,

схватив бублик, снова нырjali в зал и, вновь подхoдя к выхoду, тянулись за новым бубликом. А кто-то oпять оказывался oбделённым.

Когда всё, наконец, кончилось, на полу в зале oстались следы торжества справедливости — раздавленные и надкушенные бублики. Несколько надкушенных и брошенных бубликов нашли в фойе и в раздевалке.

— Вы такого больше не делайте, — взволнованно говорил незаслуженный артист ответственному секретарю, стоя в дверях “офиса”. — Это же хлеб! Разве можно? Чему вы так детей научите?

Он хотел что-то ещё добавить, но не нашёл слов. В его широко открытых глазах было потрясение. Он укоризненно качнул головой и снова повторил, с произвольным актёрским нажимом:

— Это же хлеб, хлеб!

Впереди были 90-е годы.

СПАСЕНИЕ РАССАДЫ

Так называемая борьба за выживание, которую мы все вели в 90-е, эта борьба, длившаяся годы и годы, не только отнимала все физические силы, она истощала душу.

Особенно остро я почувствовала это майским утром 1999 года.

Как и в предыдущие вёсны, мы с отцом сделали на даче рассадень (небольшой кусочек земли, огороженный досками и накрытый полиэтиленовой плёнкой) и высадили туда рассаду помидоров и перцев. Рассада постепенно окрепла и подросла. Когда стала тепло, хорошую плёнку поменяли на дырявую, чтобы растения дышали и закалялись. А потом плёнку и вовсе сняли. К тому времени рассада была уже высокой и крепкой. В выходные собирались высаживать тёмно-зелёные лохматые помидоры и стройные глянецевые перцы в грунт.

И вдруг по радио передали, что через сутки ожидаются заморозки. Отец и дядя были в деревне, уехали туда на несколько дней, чтобы завершить посадку огорода. Значит, только от меня зависело, уцелеет ли наша рассада, а с нею и надежда на урожай. Потерять рассаду для нашей семьи было катастрофой. Ведь помидоры и перцы составляли серьёзную часть нашего питания.

День перед ожидаемыми заморозками был рабочим — понедельник. Значит, надо поехать на дачу первым автобусом, укрыть рассадень и сразу на работу. Успею ли? Тем более, что по понедельникам “наш” автобус (то есть тот, который доезжал до нашего дачного посёлка) не ходил. Значит, придётся ехать на чужом и потом топтать от трассы. Это примерно в два раза дальше и дольше. Я рассчитала время по минутам. Получалось, что успею, но всё впритык.

Чтобы не опоздать на обратный автобус, надо выйти с дачи не позднее, чем за полчаса до него. Это было сложной задачей, потому что у меня остановились наручные часы. Денег на починку не было. Что же делать? И тут я вспомнила о старом будильнике. Это был какой-то странный механизм — он то ходил, то останавливался, причём независимо от завода. К тому же он был довольно большой. Но выбирать не приходилось.

Ранним утром следующего дня я вышла из дома. Плечо мне оттягивала сумка с аритмично тикающим будильником. Я благополучно успела на первый автобус. Скрипя, дребезжа и отдуваясь, он потащил меня и ещё нескольких дачников за город. На нужной мне остановке вышла я одна. Остальные поехали дальше — автобус-то был чужой.

Утро после ночного дождя было пасмурное, тихое, прохладное. Я шла быстро, не обращая внимания на лезущие через убогие дачные заборы цветущие яблоневые и сиреневые ветки, на свежие весенние запахи, на певшие птиц.

У себя на участке я полила и накрыла рассадень и перед обратной дорогой решила свериться с будильником. Увы, он стоял. Но меня это не сильно

оставило — я чувствовала, что времени мне хватит. Обратно шла уже медленнее. И тут уже замечала всё — и ветки, и цветы, и птиц, и жуков, и ящериц. Прекрасное весеннее утро окружало меня — свежее, душистое, изобильное своей красотой. Я понимала, что должна радоваться и наслаждаться. Я и радовалась, и наслаждалась, но как-то через силу, словно не душой, а умом. Словно не по-настоящему. Как будто красоте этой было не пробиться ко мне сквозь грозную и мелочную кажущуюся повседневность.

На остановке я спросила время у одиноко сидящей на лавочке женщины в дождевике. Оказалось, я пришла даже с небольшим запасом — до автобуса оставалось ещё восемь минут. Я уселась на лавочку и, чтобы не терять времени даром, достала из сумки газету с рассказом одной своей знакомой. Газету эту я специально взяла с собой, чтобы обязательно и поскорее прочитать рассказ и, если знакомая позвонит, быть готовой к разговору о нём.

Рассказ был совсем простой, не очень жизненный, но оптимистичный. Я почти закончила чтение, когда пришёл автобус. Дочитывала, уже сидя под автобусным окошком.

Я ехала на работу и от того, что мне удалось всё успеть — и расправу спасти, и на автобус не опоздать, и рассказ прочесть — чувствовала удовлетворение и даже некоторый душевный подъём. Но этот подъём, как и предшествовавшее ему наслаждение весенней красотой природы, был словно через силу. Натужный. Надрынный. Как болезненный смех сквозь слёзы.

КОТЛЕТКИ

Нет, настоящего голода в девяностые, конечно, не было. Просто было постоянное недоедание.

Все были полуголодные, поэтому всё время ели. Давным-давно никто нормально не обедал. Те столовые и кафе, которые пережили перестройку, стали совершенно недоступны простым смертным. На рабочих местах, как правило, не было никаких условий для перекуса, кроме чайника. Поэтому все везде по несколько раз в день пили чай с хлебом и вареньем. Сытости от такого чаепития хватало едва ли на час, а потом зубы опять начинали щёлкать.

Когда я теперь смотрю фильмы тех лет, меня болезненно поражает вид артистов — голодная худоба их лиц, напряжённое и безнадёжное выражение глаз. Так тогда выглядело большинство людей в стране.

При том, что отец и дядя получали пенсию, а я работала и получала зарплату, мы не могли нормально питаться из-за дороговизны тех немногих продуктов, которые возможно было купить.

Однажды отцу и дяде задержали пенсию. Помню молчание отца в те дни. Я пыталась подбодрить его — всё не так катастрофично, мне-то зарплату дали. Но лицо его оставалось серьёзным и печальным.

Время от времени удавалось раздобыть по относительно вменяемым ценам крупы и муку. Муки однажды по случаю купили недорого целый мешок. И я делала дрожжевое тесто и пекла оладьи и пироги с картошкой.

Молоко покупали только в “бочках”, которые приезжали из районов. К бочкам этим выстраивались длинные очереди. Магазинные цены на молочные вызывали оторопь. Телевизионная реклама простого кефира производила впечатление наглого издевательства. Когда моя сотрудница как-то сказала, что на ужин купила в магазине коробку ряженки, я была потрясена её безумным расточительством. Ведь если сегодня ряженка из магазина, то завтра хлеб не на что будет купить.

Каждый месяц, получив пенсию, отец отправлялся на базар и после долгого выбора и терпеливого дипломатичного торга покупал сало и говядину. Из говядины варили борщ на несколько дней. Сало солили. На нём жарили картошку, когда силы бывали на исходе. А когда ехали на огород, брали с собой кусочек на бутерброды.

Овощи и фрукты мы выращивали сами. Кроме огорода, у нас была дача. И если отец и дядя больше работали на огороде, то дача в основном была за мной. Летом я ездила туда два раза в неделю, в субботу и в среду.

В среду с обеда отпрашивалась с работы или просто удирала под каким-нибудь предлогом.

И вот однажды в среду со мной вызвалась поехать моя бывшая одноклассница. У неё был отпуск, а дачи не было. И она решила немного мне помочь, а заодно и прогуляться.

Надо сказать, что моя школьная подруга работала в довольно крупной и, несмотря ни на что, относительно уверенно державшейся на плаву организации. Зарплату там платили, видимо, гораздо большую, чем я могла себе представить. Такой вывод я сделала из того, что подруга моя никогда не называла сумму этой зарплаты. То есть она была чуть богаче, чем я.

Иногда она угощала меня конфетами (я сама конфет, разумеется, не покупала). А я отдаривалась яблоками и кабачками. В ту среду я собиралась срезать раннюю капусту. И радовалась, что смогу подарить подруге несколько кочанов.

День был приятный, не очень жаркий и не слишком ветреный. За болтовнёй длинная дорога от автобуса до дачи протопалась почти незаметно. Я показала подруге наши дачные достопримечательности. Похвалилась лохматыми кустами ещё зелёных помидоров и перцев и предложила ей выбрать для себя капусту. А капуста в тот год удалась на славу — просто загляденье.

Полобовавшись на всё, подруга сказала, что прежде чем резать капусту и делать другие дачные дела, надо перекусить. Это меня озадачило. По средам я на дачу еду не брала. Только воду. Но подруга моя достала из своей сумки пакетик с несколькими аккуратными свёрточками и сказала, что у неё есть всё, чтобы нам пообедать. От себя я смогла добавить сорванные на участке пару огурцов и перья лука-батун. В домике была электрическая плитка, и я поставила чайник. На заварку мы нарвали листочков мяты и лимонника.

Когда моя подруга начала разворачивать свои свёрточки, я увидела бутерброды с маслом, варёные яйца и круглые коричневые лепёшечки. Неужели котлетки!? Сколько лет, сколько зим! Просто аж голова закружилась.

Но почему она не ест их и мне не предлагает, а пододвигает только яйца и бутерброды? Не могла же она о них забыть. Может, спросить?

— А что это? — строю я из себя дурочку, кивая на котлетки.

— А это к чаю, — говорит она, — это яблочные оладьи.

Ох, это был удар. Я замерла от неожиданности, а опомнившись, напрягла все свои силы, чтобы скрыть разочарование.

Ну, что же, яблочные оладьи так яблочные оладьи! Но от потрясения я совершенно не запомнила их вкуса. А наверняка ведь они были совсем неплохи с мятно-лимонниковым чаем.